

Освоение Харой обратной проклятой техники всколыхнуло не только старейшин клана Годжо. Сатору тоже загорелся этой идеей. Потеряв сон, он глубокой ночью засыпал брата вопросами, пытаясь уловить самую суть процесса, чтобы перенять этот драгоценный опыт.

Непрерывная работа Шести Глаз перегружала мозг, буквально выжигая нервные клетки. Избежать этого было невозможно, и единственным спасением виделась обратная проклятая техника, способная исцелять поврежденные ткани на ходу. Неудивительно, что Сатору отчаянно жаждал повторить успех старшего брата.

Видя рвение близнеца, Хара ничего от него не утаивал. Он во всех подробностях расписывал свои ощущения, делился малейшими нюансами циркуляции проклятой энергии и её преобразования. Чтобы Сатору нагляднее прочувствовал процесс, Хара раз за разом применял технику прямо на нём, омывая его мозг волнами исцеляющей энергии.

Сатору всматривался в него сквозь призму Шести Глаз, скрупулезно отслеживая каждое движение энергии в его теле. Однако одного созерцания было мало. Трудность заключалась в понимании самой математики процесса: требовалось умножить проклятую энергию саму на себя — превратить отрицательный заряд в положительный.

Теорию знали все, но практика шла вразрез с привычными законами. Маги черпали силы из темных глубин души, возвращая её на негативных эмоциях. Проклятая энергия по своей природе несла разрушение. Попытка обратить её вспять — всё равно что попытка превратить бушующее пламя в чистую воду.

Сатору застрял на этом этапе. Он балансировал на грани понимания, чувствуя невидимую преграду, но никак не мог пробить её. В раздражении он взъерошил свои белоснежные волосы, превратив их в растрепанный стог:

— Да что ж такое! Кажется, ещё чуть-чуть — и получится, но нет... Бесит!

Хара ласково пригладил его торчащие вихры, возвращая шелковистым прядям привычный вид, и мягко произнес:

— Тебе просто нужно поймать вдохновение, Сатору. Не торопись. Пока я рядом, можешь не волноваться: если почувствуешь себя плохо, я всегда исцелю тебя.

Тёплая, умиротворяющая волна чистой энергии проникла в тело Сатору, мгновенно остужая перегретый мозг. Раздражение улеглось.

Но в глубине души Сатору всё же недовольно буркнул:

— Значит, я опять позади?

Дело было не в зависти. Сатору искренне радовался за Хару, но собственное бессилие задевало его гордость. Он жаждал двигаться вровень, ведь иначе как он сможет превзойти старшего и заставить того признать поражение, чтобы наконец услышать от него заветное «старший брат»?

Эта святотатственная идея до сих пор не покидала голову Сатору. Напротив, с каждым днём он становился всё более упрямым в своём стремлении.

Хара не знал, какие именно коварные планы зреют в этой белобрысой голове, но прекрасно чувствовал его решимость и азарт. На его губах заиграла нежная улыбка. Он ласково посмотрел на младшего.

«Вот так, мой милый брат. Смотри только на меня, тянись ко мне и никогда не смей отводить взгляд».

Хара упоительно наслаждался тем, как Сатору преследует его, стремясь догнать. Именно поэтому, несмотря на бесконечные тренировки и спарринги, он никогда не поддавался близнецу. Хара слишком хорошо знал его характер: Сатору удерживал на нём свой взор лишь потому, что не мог победить. Стоит ему выиграть, как азарт угаснет, словно пройденная игра, и Сатору быстро переключит внимание на что-то другое.

Чтобы не дать этому случиться, Хара тренировался на пределе возможностей, неустанно становясь сильнее. Всё ради того, чтобы занять всё пространство в мире Сатору.

После недавней истории с зубной болью Сатору чувствовал себя уязвленным. В свои семь лет он уже дорожил репутацией: пусть перед братом он мог капризничать, дурачиться и кататься по полу, для остального клана Годжо он оставался величественным и холодным «божественным дитя». У него всё-таки было чувство собственного достоинства.

К тому же глава клана едва не лишил его сладкого. Сатору понимал, что не может вечно полагаться на обратную проклятую технику Хары для лечения зубов — это было банально стыдно. Проблему нужно было решать кардинально.

Поразмыслив над причинами кариеса, Сатору хлопнул себя по лбу:

— Хара! Смотри, что я придумал! Если я во время еды буду покрывать каждый зуб барьером Безграничности, сладости вообще не будут соприкасаться с эмалью! И зубы никогда не заболят!

Ведь вкус десерта чувствует язык, а не зубы. Использовать Безграничность как невидимый щит для зубов во время поедания пирожных — это же гениально! Ну какой же он умница!

Хара на секунду потерял дар речи. Разве для этого создавалась Безграничность? Впрочем, раз

идея так порадовала брата, её стоило поддержать.

— Хм, а это действительно выход. Ты у меня очень сообразительный, Сатору. Теперь можно не бояться за зубы.

Сатору победоносно вскинул руку:

— Тогда в честь моего великого открытия сегодня я съем двойную порцию сладостей!

Хара мысленно прикинул обычную, и без того смертельную для нормального человека норму сахара, которую поглощал Сатору. Двойная порция... Но, глядя на сияющее лицо брата, отказать он не смог.

«Что ж, просто очищу его организм обратной проклятой техникой, когда он закончит», — решил Хара.

Он не знал, как именно применяют обратную проклятую технику другие маги, но его собственная сила была абсолютной. Она не просто затягивала раны, а буквально обновляла организм, возвращая его в эталонное, максимально здоровое состояние.

В своё время старейшины клана Годжо надеялись превратить Хару в ручного целителя. Раненые маги, тяжелобольные влиятельные политики и богачи из числа обычных людей всегда нуждались в спасении. Клан планировал использовать уникальный дар мальчика, чтобы выгодно продавать его услуги, укрепляя своё влияние и набивая карманы.

Поначалу Хара не хотел быть бездумным инструментом, чьи труды обогащают чужие руки. Но вскоре его осенило: если он единственный обладатель этой силы, почему бы не сделать её собственным козырем?

Хара перестал отказываться от лечения посторонних. Однако теперь он сам выходил к пациентам, общаясь с ними напрямую и завязывая личные контакты.

Это стало его первым шагом к реальной власти в клане Годжо.

Поначалу совет старейшин не воспринимал семилетнего ребёнка всерьёз. Да, он был одним из двух обладателей Шести Глаз, да, его сила поражала воображение, но для них он оставался лишь талантливым малым.

Но когда за спиной Хары выросла целая стена из преданных ему влиятельных людей и магов, а молодое поколение клана Годжо присягнуло ему на верность, старейшины с ужасом осознали, что этот мальчик уже забрал у них львиную долю влияния.

В открытую противостоять ему никто не смел. Клан годами возводил культ Шести Глаз, превознося близнецов до небес. Кто посмеет оспорить волю «божественного дитя»? К тому же, овладев обратной проклятой техникой, юный Хара фактически стал сильнейшим магом клана — противостоять ему физически было чистым самоубийством.

Но оставался второй близнец.

Лишившись части полномочий, обиженные старейшины принялись исподтишка сеять раздор, пытаясь настроить Сатору против брата.

— Молодой господин Сатору, — шептали они приглушенными голосами, — вы ведь тоже обладаете Шестью Глазами. Вы имеете полное право на место главы клана. Вы родились всего на три минуты позже брата, так почему именно он должен стать следующим лидером, а не вы? Мы готовы поддержать вас...

Сатору окинул этих плесневелых старцев холодным, презрительным взглядом. На его губах заиграла зловещая усмешка.

— Да неужели?

И в следующее мгновение сокрушительный удар техники «Синий» сровнял заговорщиков с землей, похоронив под обломками здания.

— А вот я поддерживаю брата.

Ещё до того, как начать зачистку верхушки, Хара открыто поговорил с Сатору.

— Сатору, все вокруг твердят, что один из нас возглавит клан Годжо. Ты сам хочешь стать главой? Если да, я помогу тебе занять это место и буду твоей опорой.

Сатору тогда замотал головой так сильно, что едва не свернул шею:

— Ещё чего! Какая скука! Торчать сутками на собраниях с этими гнилыми мандаринами? Да я лучше в игровые автоматы пойду рубиться!

Убедившись, что младший действительно не горит желанием погрязнуть в бумажной волоките, Хара кивнул:

— Тогда главой стану я. Клан Годжо принадлежит нам по праву, и мы не можем позволить кому-то другому управлять нашей судьбой.

Так Хара и вышел на политическую арену, начав методично отбирать власть у старейшин клана.

Понимание свободы у братьев различалось.

Сатору считал так: «Мы вырастем, станем самыми сильными, и тогда никто не посмеет нам указывать. Мы будем делать всё, что захотим».

Хара же смотрел на вещи иначе: «Мы заберём себе всю власть. А те, кто смеет открывать рот против нас, будут ползать у наших ног, дрожа от страха и не смея издать ни звука. Вот тогда мы будем по-настоящему свободны».

Поэтому Хара развязал внутреннюю войну за престол клана.

Глава клана и старейшины, разумеется, не желали отдавать бразды правления, пусть даже их противником был будущий патриарх и признанное божество. Им нужен был послушный, оторванный от мирских забот сильнейший маг — живое оружие клана, а не амбициозный правитель, который лишит их привилегий. Они были готовы поклоняться Шести Глазам, но не собирались подчиняться им в вопросах денег и власти.

Столкновение интересов неизбежно привело к внутреннему расколу.

Впрочем, этот мятеж увял, так и не успев разгореться. Хара подавил его быстро, жестко и беспощадно.

<http://bllate.org/book/19549/1987021>